

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842—1919
Обратная сила. 1965—1982
Обратная сила. 1983—1997

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра
МАРИНИНА

Обратная

сила.

1842—1919

МОСКВА

2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *А. Старикова*
Серия основана в 1994 году

Маринина, Александра.

М26 Обратная сила : [Роман. В 3 т. Т. 1] 1842–1919 / Александра Маринина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-98546-3

Считается, что закон не имеет обратной силы. Да, но только — не закон человеческих отношений. Можно ли заключить в строгие временные рамки родственные чувства, любовь, дружбу, честь, служебный долг? Как определить точку отсчета для этих понятий? Они — вне времени, если речь идет о людях, до конца преданных своему делу.

Самоубийство не есть неизбежный признак сумасшествия, но... по статистическим сведениям, третья часть самоубийств совершается в приступах душевных болезней, а две трети приходится на все остальные причины: пьянство, материальные потери, горе и обиды, страх наказания, несчастная любовь.

Из защитительной речи В.Д. Спасовича

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-98546-3

ООО «Издательство «Э», 2017

Не судите его по мерке ваших чувств, не требуйте от него вашей рассудительности... Да и вообще ведайте, что неодинаково бьется и чувствует сердце людское: в каждом есть свои счастливые и несчастливые особенности.

*Из защитительной речи
С. А. Андреевского на судебном
процессе по делу Иванова*

Дар чтения в чужой душе принадлежит немногим, да и те немногие ошибаются.

*Из защитительной речи
С. А. Андреевского на судебном
процессе по делу Мироновича*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Самоубийство не есть неизбежный признак сумасшествия, но... по статистическим сведениям, третья часть самоубийств совершается в приступах душевных болезней, а две трети приходится на все остальные причины: пьянство, материальные потери, горе и обиды, страх наказания, несчастная любовь.

*Из защитительной речи
В. Д. Спасовича в судебном процессе по
делу Островлево́й*

ГЛАВА 1

1842 год, апрель

— Вы уж, ваше сиятельство, матушка-барыня Аполлинария Феоктистовна, решите дело как-нибудь, а то боязно дворовым, ответственность-то какая, ежели что случится... — умоляюще бормотал Никитенко, сутуловатый, невысокий, но энергичный управляющий имением Вершинское — родовым поместьем князей Гнедичей, расположенным неподалеку от Калуги.

— Иди, голубчик, иди, — махнула рукой Аполлинария Феоктистовна, — возвращайся с Богом в Вершинское. Скоро князь Николай Павлович вернется из-за границы, и мы все решим. Ты уж потерпи там как-нибудь.

«Ишь, как волнуется, — заметила про себя Аполлинария Феоктистовна, увидев, что косой ворот рубашки, виднеющийся из-под распахнутого армяка, намок от пота, хотя в доме было довольно прохладно. — Взопрел весь».

— Так что ж терпеть-то, — продолжал бормотать управляющий, пятясь задом к дверям гостиной, — нам-то что, наше дело — за крестьянами следить, за работами, урожай чтобы... Продать выгодно или там на ярмарку обоз снарядить, постройки в порядке содержать... Такое наше дело... А только ежели что — мы же и виноваты окажемся, и первый спрос — с меня, как я есть управляющий...

«Боится, что выгоню, — с недоброй усмешкой подумала княгиня, глядя на закрывающуюся дверь, — не наворовался еще. Не все успел украсть, что можно. Ах, беда, беда... Да не то беда, что управляющий вор, других-то и в помине нет, порода такая. У всех моих знакомых управляющие воруют. А вот с Григорием и вправду беда. Не зря шельма Никитенко заволновался. Три письма мне написал, а теперь уж и сам явился из Вершинского, указания получить хотел, чтобы с себя ответственность сложить. А какие тут указания дашь? Глаз с молодого барина не спускать? Ходить за ним повсюду? Так не осмелится никто. Да и надежды ни на кого нет, самые толковые да преданные здесь, в Москве, с нами...»

В свои сорок девять лет княгиня Гнедич была тучной и не вполне здоровой телом,

но жесткой, решительной и сильной духом. Супруг ее, князь Николай Павлович, сделал блестящую карьеру по Иностранному ведомству и вот уже пять лет нес государеву службу в Швеции. В одном из последних писем князь Гнедич сообщил, что срок его служения Императорскому двору в миссии при дворе короля Швеции в скором времени закончится и уже через два месяца он вернется в Санкт-Петербург с отчетами, а потом и в Москву приедет, чтобы обнять наконец свое дорогое семейство: супругу Аполлинару Феоктистовну, сыновей Григория и Павла и ненаглядную дочь Вареньку. О том, что старший сын, Григорий, подал в отставку и вышел из полка, князь, разумеется, знал, но вот то, чем эта отставка обернулась, от почтенного дипломата тщательно скрывали. Причина отставки выглядела вполне уважительно: отсутствие средств, необходимых для достойного несения службы в элитном полку Императорской армии, ибо «достойное несение» подразумевало отнюдь не малые траты со стороны самих офицеров. Конечно, того, что давало именование, после всех вычетов, сделанных управляющим в пользу собственного кармана, могло бы показаться достаточным, чтобы в лучших полках могли служить оба сына Гнедичей, однако Аполлинария Феоктистовна рассудила иначе. Была она большой любительницей вести светский образ жизни, имения в Вершинском чуралась, к природе была равнодушна, а вот блеск мо-

сковских балов, званых обедов, приемов, торжеств, беспрестанная череда визитов, частые поездки в Петербург и связанные с этим бесконечные дела с модистками привлекали княгиню чрезвычайно. Жить в Москве — дорого, это всем известно, хотя и не так накладно, как в Петербурге. Вести в Первопрестольной роскошную и бурную жизнь — еще дороже. Сокращение трат неминуемо означало и уменьшение числа даваемых обедов и приемов, и сокращение своего пребывания на светских мероприятиях. Разве можно явиться на званый обед в надетом платье? Это никак не возможно. Это позор и осуждение в свете. Стало быть, к каждому мероприятию должно шиться новое. Коль ужиматься в расходах — значит, и платья новые не заказывать, и в свете не появляться. На это княгиня Гнедич пойти не могла.

«Поймите меня, друг мой, Николай Павлович, — писала она мужу в Стокгольм, — Варенька теперь невеста, и для приискания подходящей партии нам необходимо вращаться в свете, дабы и свою репутацию укрепить, и достойного жениха сыскать. Вдобавок Павел, уже и без того принесший жертву тем, что добровольно отказался от служения Императору и Отечеству в полку, дабы не вводить семью в дополнительные расходы, успешно и старательно ведет свою карьеру на том месте, которое Вы ему определили перед своим отъездом в Швецию. Начальство в департа-

менте им весьма довольно, но светские связи и добрая репутация и ему не лишними будут, чтобы чинами не обошли. В доме нашем бывают самые уважаемые люди обеих столиц, и содержать его надобно достойно, что также весьма недешево. Если бы Господь был милостив к нам и Вы после возвращения из-за границы получили должность с предоставлением казенной квартиры в Петербурге, положение наше весьма выправилось бы. Однако до тех пор, пока мы живем в нашем московском доме, приходится тратиться на его содержание. Я задумала переделать свой будуар, поставить мебель, фанерованную розовым деревом, со вставками из золоченой бронзы и расписного фарфора, а для Вашего кабинета надобно купить новую мебель из карельской березы, да и туалетную комнату Вареньки необходимо заново отделать, довольно ей в детской дни коротать, комната ее в мансарде тесна и не приличествует девице на выданье, а это все траты, траты, траты... Видите сами, мой дорогой друг, что денег на жизнь в Москве требуется все больше, и нам никак не возможно выделять князю Григорию должную сумму на достойное поддержание его службы...»

Князь Николай Павлович Гнедич принял решение супруги хотя и не без опасений, но в целом спокойно: армейская служба во времена императора Николая Первого действительно была весьма затратной и не столь уж редки были случаи, когда отпрыски известных

и родовитых семейств покидали элитные полки именно из финансовых соображений, а те, кто не желал из-за нехватки денег расставаться с армией, переводились в полки попроще или в городские бригады, где офицерам тратиться приходилось мало, а возможности заработать, напротив, имелись. В императорских же полках возможность пополнить и оживить собственный бюджет имелась в основном у командиров и у ремонтеров, то есть тех, кому доверяли заниматься закупкой полковых лошадей, однако для того, чтобы получить эту сулящую немалые выгоды должность, следовало стать любимчиком все того же командира полка.

За два года, прошедшие после выхода Григория Гнедича в отставку, молодой князь успел стать зримой угрозой для репутации семьи и, в конечном итоге, для ее благополучия. Наделавший карточных долгов во время службы, соблазнивший не меньше дюжины добропорядочных девиц-мещанок, сбежавший от разгневанных кредиторов — отцов тех девиц, — Григорий Николаевич и в Москве тихой благопристойной жизнью себя не обременял. Правда, кутежи, карты и кокотки требовали денег, и в этом вопросе у Аполлинаруи Феоктистовны нашлись определенные аргументы: уплатив в течение года немалые суммы по нескольким векселям старшего сына, которому давали в долг охотно и с полным доверием, она сказала Григорию:

— У вас, сударь мой, есть выбор. Я могу написать вашему отцу о ваших выходках. Вы — первенец, старший сын, и, вероятно, имеете в расчете, что львиная доля наследства причитается именно вам. Мне легко будет устроить так, что все эти ваши расчеты пойдут прахом. Но вы можете уехать в наше имение Вершинское. Войдите в суть дела, изучите отчетность, возьмите под неустанное наблюдение управляющего. Каждый год нам на поддержание требуется... — Княгиня назвала сумму, заставившую Григория побледнеть. — Все сверх этого — ваше, можете распорядиться и пользоваться. Как накопите достаточно — можете возвращаться в Москву и вести тот образ жизни, который вам желанен. Может быть, вы даже сумеете найти себе в сельской глуши приличную невесту, дочь какого-нибудь тамошнего помещика, за которой дадут хорошее приданое. Выбор за вами. Но ни одного вашего векселя я отныне больше не оплачу. И если вас отправят в долговую тюрьму, мое сердце не дрогнет.

Лукавила княгиня, ох, лукавила! Разумеется, долговую тюрьму для своего сына она не допустила бы. И не потому, что сын, а потому что любимицу княжну Вареньку следовало хорошо выдать замуж, для чего требовалось свято блюсти репутацию семьи. А какая уж тут репутация, если старший сын — несостоятельный должник! Да и карьера мужа-дипломата могла пострадать, а ведь пока он при высоких

чинах, ее, Аполлинарии Гнедич, положение в свете — должное, соответствующее, к ней относятся с уважением и подобострастием, она всюду желанный гость, и приглашениями на ее обеды, вечера и приемы никому и в голову не придет пренебречь. О сыне Павле княгиня, как обычно, подумала в самую последнюю очередь, но все-таки и о нем не забыла: ему ведь тоже надо сделать правильную партию, впрочем, тут уж беспокоиться, кажется, не о чем, Павел и сам нашел себе невесту, так что дело можно считать улаженным.

Григорий Гнедич выбор свой сделал и убыл в Калужскую губернию, где провел уже целый год. В Москве за этот год он ни разу не показался и ни одного письма ни матери, ни брату, ни сестре не написал. Аполлинария Феоктистовна успокоилась, сочтя, что угроза скандала миновала. Вывозила Вареньку в свет, на должном уровне проводила все званые мероприятия, отправляла мужу в Стокгольм исполненные оптимизма и уверенности письма.

И вот теперь приехал испуганный и встревоженный управляющий...

Аполлинария Феоктистовна посмотрела на свои крупные, увитые толстыми венами кисти рук, сложенные на коленях, потом перевела взгляд на часы: скоро пять пополудни, время приема визитеров. Надо одеваться, негоже принимать визиты в том же платье-дульетке, в каком обычно дома ходит. Ах, кабы можно было весь день оставаться в любимом фуля-

ровом капоте, украшенном валансьенскими кружевами! И красиво, и — главное! — просто.

Взяв медный колокольчик за деревянную рукоятку, княгиня резко тряхнула его. Спустя несколько секунд появилась горничная Прасковья, служившая у Гнедичей с малолетства, лет с пяти — при кухне, а с рождения княжны Варвары — уже при барыне. В горничные брали только незамужних девушек, но Прасковья заслужила такое доверие хозяйки, что осталась прислуживать ей и после того, как получила разрешение выйти замуж.

— Помоги встать, — велела княгиня, — одеваться пора. Что барышня, готова?

— Готова, ваше сиятельство. Барышня Варвара Николаевна оделись, вышивают у себя в комнате, ждут, когда ваше сиятельство ее сиятельство позовут. Какое платье прикажете подавать? — заботливо, но без малейшего намека на услужливость спрашивала Прасковья, осторожно ведя княгиню под руку в ее покои.

— То, зеленое, бархатное, что вчера от модистки принесли, готово ли? Его отутюжить нужно было.

— Отутюжили, ваше сиятельство, не извольте беспокоиться. И кружево подшили, оторвалось маленько во время примерки. Так его подавать?

— Его, — вздохнула княгиня. — Будь она неладна, эта новая мода, уж такой рукав узкий у плеча, что и не втиснешься, а коли